

А. П. ЧЕХОВ
В ВОСПОМИНАНИЯХ
СОВРЕМЕННИКОВ

СБОРНИК

Под редакцией
А. К. КОТОВА

О Г И З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1 9 4 7

ИЗ ЗАПИСЕЙ И ПАМЯТИ

Написать очерк характерного лица — дело очень трудное и «мастеровитое», — внушал Н. С. Лесков одному маленькому литератору, «кидавшемуся по верхам журналистики».

Но, пожалуй, еще труднее дать что-нибудь ценное о таком лице в маленькой памятке.

А между тем стало каноном, что в жизни крупного человека, в воспоминаниях о нем, нет незначительного, не заслуживающего ревнивого сбережения от «тлена» и забвенья.

Это обязывает каждого, не стыдясь неумения, правдиво и просто записать или рассказать все, что выпало на его долю слышать, узнать, а тем более лично запечатлеть, о ком-либо из «больших людей».

Попытаюсь дать, что могу, о Чехове.

Начну с известных мне отзывов о нем моего отца, Николая Лескова, человека неукротимого темперамента, больших неровностей в настроениях и личных отношениях, но неколебимо стойкого в самоотверженной любви к литературе, горячо радовавшегося каждому новому талантливому произведению, появлению каждого нового, обнадеживавшего дарования.

Пойду во временном порядке.

С 12 по 18 октября 1883 года Лесков проводит, по издательским своим делам, в Москве. Поехал он туда вместе с Н. А. Лейкиным, в «Осколках» которого заметнейшим сотрудником состоял «Антоша Чехонте». Остановились питерщики, оба, в Лоскутной гостинице. От-

сюда личное знакомство маститого корифея с двадцатидвухлетним неофитом.

Сразу произведя на взыскательного «генерала от литературы» впечатление «милого юноши», Чехов без труда находит пути к этому нелегко отмыкавшемуся сердцу. В первый же день дарится «Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе» издания 1882-го года с начертанием: «Антону Павловичу Чехову. Н. Лесков. 12 октября 83» *. Надпись обыденная, но для начала отношений внимательная. А в один из ближайших дней расположение делает большой шаг вперед. Видимо, после доброй поздней трапезы «милый юноша» едет с «ересиархом всеа Руси» на извозчике. Идет беседа, не лишенная мистики и переходящая затем в прямую «хиротонию», благословение: «Помазую тебя елеем, как Самуил помазал Давида. Пиши!» **

В этом «помазании» на «ты» вылилось в сущности не более того, что могло быть сказано и в дневной беседе, и на «вы», и без участия «лозы виноградной».

С этих пор расположение крепло на признании несомненного таланта, оценка которого росла, а продолжавшийся расцвет радовал. Не обходилось, однако, и без возникновения мимолетных тревог.

Через три года в боевой, сугубо литературской, статье впервые «гласно» указывается на молодого писателя:

«В числе молодых беллетристов есть люди с хорошими дарованиями и тоже с здоровым направлением. Говоря это, хочется назвать г. Гаршина, который пишет прекрасно и который далеко еще не достиг предела развития своего таланта. За ним, может быть, следовало бы помянуть Короленко и молодого писателя Чехова, начинающего писать в том же реальном направлении. Еще никому не явлено ясно, чего эти люди достигнут, если станут трудиться, имея, между прочим, графа Толстого для себя образцом, а не пугалом... Их достаточно судить только с той стороны: делают ли они из своих дарований наилучшее употребление, какое избрать могут. Стараться же разочаровать их до потери всякой

* М. П. Чехов, Вокруг Чехова, «Academia», М.—Л. 1933, стр. 287.

** Письмо к Ал. П. Чехову, окт. 1883 г., Письма Ант. Павл. Чехова, издание 2-е, т. I, стр. 74.

веры в себя — это не полезное, а вредное дело со стороны критики». * Упрек шел не в бровь, а в самый глаз пресловутому «нововременскому» ругателю В. П. Буренину, который «дрался Толстым», уничижительно противопоставляя силы начинающих писателей гению Толстого.

В том же году убежденно пишется самому хозяину «Нового времени»: «Чехов хорошо вырабатывается» **.

А на встрече нового, 1888-го, года в редакции того же «Нововремения», в перемолвке с Александром Чеховым, Лесков называет Антона Павловича уже «гением» ***.

Вскоре гибнет Гаршин. В связи с его кончиной Лесков дает суровый урок редакторского и издательского такта и вкуса Суворину, не обходя при этом памятью своего помазанника.

«Неужели Гаршин не стоил траурной каемки вокруг его трагического некролога?.. Я, ложась спать, думал: «верно Алексей Сергеевич велит поставить крестик и каемочку». Утром вижу — нет! Почему — спрошу? Зачем все эти известия о приезде «действительных статских советников» печатаются, а непристойным почитается известить о приезде Чехова? Это уже Ваше, редакторское, пренебрежение. Пусть бы люди знали, что литераторы достойны внимания не меньше столоначальников департамента» ****.

И в том же году, ему же, радостно указывает: «У Чехова очень хорош этюд «Именины» — в последней книжке «Северного вестника» *****.

31 января следующего, 1889-го, года в Александринском театре первый раз шел «Иванов». 4 февраля в субботу, сильно задержавшись на своей загородной службе, я только к вечеру попал «в город». Это был день рождения и именин Лескова. Ему исполнилось пятьдесят восемь лет. За плечами было почти тридцать лет литературного пути. Но дух не угасался.

* О куфельном мужике и о прочем, «Новости и биржевая газета», 4 июня 1886, № 151.

** Письмо к А. С. Суворину от 8 октября 1886 г., Институт литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом), Ленинград.

*** Письмо Ал. Павл. Чехова к Ант. Павловичу от 29 января 1888 г., Письма, М., 1939.

**** Письмо от 26 марта 1888 г., Письма русских писателей к А. С. Суворину, Ленинград, 1927.

***** Письмо от 28 ноября 1888 г., Пушкинский дом, Ленинград.

Едва войдя в кабинет, я увидел, что отец горит какою-то несомненно литературною радостью. «А я было думал уже писать тебе, чтобы ты в первую же побывку сюда непременно посмотрел «Иванова». Учительная пьеса. И все хорошо: и замысел, и типы, и язык — у всех свой, живой, и самое название обобщающее, самое родовое... К сожалению, слишком много у нас «Ивановых», этих безвольных, слабых людей, роняющих всякое дело, за которое ни возьмутся. Умная пьеса! Большое драматургическое дарование».

Несоглашавшимся бросались уничтожающие взгляды, гневливые реплики*.

И все-таки, по одному определению «зломнительному», Лескову Чехов подчас кажется еще неясным, не дающим полной уверенности.

«Тайнодум» настораживается: «Талантлив Чехов очень, но я не знаю «когого он духа...» Нечто в нем есть сомнящее и... как будто сомнительное. Впрочем, очень возможно, что я ошибаюсь**.

Случается, что в горячности бесед он бросает ряду молодых писателей, в том числе и Чехову, укоры за то, что, при бесспорной даровитости, они равнодушны к идеалам, что таланты их ничему не служат***.

Но «Рассказ неизвестного человека» вызывает уже почти восторженный отклик Лескова: «Рассказ Чехова превосходен»****.

И наконец «Палата № 6» отмечает все сомнения, автор становится весь ясен, духовно близок, а с тем и дорог уже не только как художник.

По неизменному обычаю, пришедшееся «по мыслям» и сердцу литературное произведение делается темой неустанных обсуждений, с кем только представляется случай и, уж конечно, всего больше с людьми, сколько-нибудь причастными литературе. Один из них, по определению Лескова «скорохват», А. И. Фаресов, смело

* Дневник А. Н. Лескова.

** Письмо Лескова к И. Е. Репину от 19 февраля 1889 г., Репинский архив.

*** Русские писатели о литературе, т. II, Ленинград, 1939, стр. 296.

**** Письмо к В. А. Гольцеву от 26 апреля 1893 г., «Памяти В. А. Гольцева», М. 1910.

вступает с ним в тягучие пререкания, стремясь доказать отсутствие в рассказе каких-либо достоинств.

Спор этот, очевидно под свежим впечатлением и памятью, так записан упрямым спорщиком:

Я. (то есть Фаресов — А. Л.). Мне хотелось бы и самому смотреть на повесть Чехова, как на крупное, выдающееся произведение.

Лесков. Что же вам мешает?

Ф. Не знаю, что в ней хвалить... Эти «вересаевские» доктора переполняют не палаты умалишенных, а во множестве — городские и земские больницы. Каждый из них как давно затасканный в литературе и праздно болтающий на готовом содержании «лишний человек».

Л. Они олицетворяют провинцию.

Ф. Они и ранее, до «Палаты № 6», не представляли собою умных людей. Одно повторение упадочного человека.

Л. А это разве не важно — как добрый и образованный человек падает и погибает в провинции? За одну фигуру безжалостного сторожа Никиты рассказ Чехова надо редактору хватать обеими руками.

Ф. Конечно, его нельзя не напечатать. Но он неважный.

Л. За границей он стал бы выше мопассановских. Он делает честь любой литературе и, если такими рассказами не удовлетворяются, то уж извините: не так мы богаты... Разве не важно, что по природе добрый человек ничего не делает в провинции, что он не может выпрямиться во весь рост, а все ходит согнувшись?

Ф. Да он и не думает выпрямляться.

Л. Откуда же я взял его таким? Ведь я из повести вынес такое впечатление!

В «Палате № 6» в миниатюре изображены общие наши порядки и характеры. Всюду — палата № 6. Это — Россия... Чехов сам не думал того, что написал (он мне говорил это), а между тем это так.

Палата его — это Русь!

«Этот торжественный отзыв Лескова о Чехове не был исключительным настроением», — заканчивает Фаресов свою, сильно сокращенную здесь запись *.

* Архив А. Н. Лескова. См. «Литературная газета», 15 июля 1939, № 39 (818).

Несколько успокоившись, Лесков шлет ушедшему «Фрейшюцу», как он шутливо именовал Фаресова, итоговое решение никогда больше не говорить об одном писателе, любезном Фаресову и не любезном Лескову, — «точно так же, как и о «Палате № 6», которую я почитаю за прекрасное произведение, а вы — за очень плохое»*.

Это был уже прямой ультиматум в дополнение к «торжественному отзыву Лескова о Чехове».

Чехов, с своей стороны, высоко ценил Лескова. В ноябре 1892 года он внимательно осмотрел старшего коллегу как врач. Пациент подносит ему при этом «Соборян» издания 1878 года, с надписанием: «Благополучному доктору Антонио от автора»**.

Зорко следя за успехами Чехова, Лесков любил в беседах и письмах помянуть о том, что, может быть, раньше всех признал его талантливость. Не забыл об этом и в маленьком любопытном обзоре некоторых дарований, приведенном в письме к «многохитроственному» критику журнала «Неделя» М. О. Меньшикову:

«Я иногда тороплюсь радоваться, что приходит к делу новый человек со вкусом, умением и пониманием того, для чего стоит писать; но я не всегда ошибался: я первый (кажется) гласно указал на Чехова, на Яковлеву и на Вас, и раньше многих заскорбел молча об удивительном для меня упадке сил в Короленко. Я не думаю, чтобы я увлекался моей любовью к литературе до того, чтобы делать слона из мухи. Захваливать новичка, конечно, можно, и это сделано с несколькими слабыми людьми (например, Бажин, Ясинский и так далее), но в ком есть вкус и творчество, тот не так легко повреждается, Яковлева может писать превосходно, может быть не хуже «Мимочки», а ее простудили ни за что и ни про что»***.

Не бывал обойден Чехов добрым словом Лескова и

* ГАУ, Письмо от 16 сентября 1893 г., Москва, ГАУ.

** Ф. Ф. Фидлер, Литературные силуэты, «Новое слово», 1914, № 8.

*** Письмо от 29 июня 1893 г., Институт литературы Академии наук СССР, Ленинград. «Мимочка» — Л. И. Веселитская, псевдоним «В. Микулич», автор повести о «Мимочке».

в газетных интервью вплоть до предсмертных дней последнего*.

Встретиться с Антоном Павловичем у моего отца, умершего 5 марта (21 февраля) 1895 года, мне не привелось.

Зиму 1898/99 годов я жил в Ялте. На смену многолюдному «бархатному», то есть сентябрьскому, виноградному сезону пришел «ситцевый» — зимний. Город опустел. Часто дождало. Шоссированные улицы кисли. Раз в неделю, по субботам, в убогом городском клубе вяло танцевали. В остальные дни там же тоскливо «винтили». Цитаделью умственной жизни была табачно-книжная лавка Синани, на набережной. Торговля одними книгами в «жемчужине» Крыма, в наиболее, казалось бы, интеллигентном его городе, была статьей ненадежной. Жизнь шла дремотная, зоологическая. Интересов — никаких.

И вдруг вспомнили: в Ялте, на Аутской, у Иловой-ской, живет Чехов. Бывает у начальницы женской гимназии В. Д. Харкеевич, ходит по набережной к Синани. Преинтересно. В разгар сезона этого можно бы и не заметить, но сейчас дело другое. И обывательское любопытство стало преследовать скромного по натуре писателя на улицах, в лавках, на каждом шагу...

Подходил новый, 1899-й год. Встречать его, по мысли милой литературолюбивой Варвары Константиновны Харкеевич, сговорились на «товарищеских началах», по подписке, в женской гимназии.

Собралось подлинное «третье сословие», настоящая трудовая интеллигенция скудного ею города наезжей чванной знати и местных торгашей.

Тут я и познакомился, уже лично, с Чеховым.

Ужинали весело и уютно. Так бы все прошло, если бы, когда дело уже подошло к мороженому, фруктам и шампанскому, учителя словесности не почли своим долгом, один за одним, длинноватыми речами чествовать «известного, знаменитого писателя, почтившего нас своим присутствием». Чехов явно был застигнут врасплох.

* См., например, «Петербургская газета», 9 марта 1894 г., № 66, «Новости и биржевая газета», 19 февраля 1895 г., № 49.

Скользнувшее вначале по его лицу недоумение сменилось выражением невольной покорности постигнувшему его испытанию. После каждого тоста, заключавшего «слово», он вставал, пожалуй, устало кланялся, чокался и, как бы освобожденно спешил сесть, перестать быть persona grata. Но сейчас же раздавался глас нового чествователя. Становилось однообразно... Негаданно и откровенно-желчно внес разнообразие не слишком ладивший с женой, как и с ее сослуживцами, муж хозяйки вечера, юрист, Язон Николаевич Харкеевич. Нервно встав, он внятно призвал всех распространить только что возглашавшиеся благожелания и приветствия на присутствующих здесь представителей всех профессий и всех общественных положений — педагогов, врачей, военных, инженеров, независимо от их знаменитости, известности или полной безвестности, просто на всех простых русских людей.

Антон Павлович раза два-три блеснул стеклами своего пенсне в сторону оратора и, как мне казалось, слушал его не без профессионального любопытства.

Чтобы затушевать неловкость, все поспешили встать, чокнуться с известным своей печенюю Язоном, допить свои стопки и после долгого сиденья с удовольствием поразмяться, перейдя в импровизированные гостинные и курилку.

Вскоре к группе, в которой стоял я, подошел Чехов. После двух-трех, не сбереженных памятью, фраз он спросил, как относился мой отец к Суворину? Я отвечал, что при всей неустойчивости их отношений, обострявшихся временами до полной враждебности, он считал того человеком от природы не злым, даже скорее добрым, доступным к горячим порывам и искренним движениям, но постепенно ставшим «деньголюбивым» и, благодаря дрянному окружению, сделавшимся способным на поступки много ниже его природных свойств.

— Вот, так и я считаю. Сам он не злой человек. Это Николай Семенович верно говорил. Деньги его, конечно, испортили, но главное — это ужасная нововременская камарилья! Это ужасное окружение. Эти Буренины, Геи, Масловы, Сыромятниковы и т. д. Он невольно поддается их влиянию. Они развращают и его, и всю редакцию, и

газету, и читающую ее публику. И как это ни досадно, но все это неустранимо.

— А каковы были последние минуты Николая Семеновича?

Я рассказал.

— Да, мне, знаете, и то удивительно, как долго он одолевал свою страшную болезнь, свою «жабу» при его вяло работающем, жирном уже сердце.

Тем временем стол, за которым мы трапезовали и слушали спичи, исчез. Кто-то сел за рояль, заскользили пары.

— Андрей Николаевич, — мягко улыбнувшись, сказал Чехов, — я видел в клубе... Вы большой мастер в этом искусстве... Пожалуйста, уж продемонстрируйте его нам и здесь с грациозной Н. Н.

Через несколько дней я завтракал — с Чеховым — с доживавшим век в Ялте когда-то известным тенором московского Большого театра Усатовым и еще с двумя-тремя ничем не замечательными лицами, у «Екатерины второй», как прозвали тогда Капитолину Михайловну Иловайскую, которая, однако, была несравненно «породистее» и красивее ангальтцербтской немки.

Беседа не выходила из рамок нестроты, неизбежной в малосплоченном обществе. Пока мы вкушали прекрасные яства, орошая их «добрым» вином, ясный с утра день исподволь померк, и в широкие окна красивой столовой застучал дождь.

Кто-то стал честить ялтинский климат, полагаясь на который, выйдешь, мол, из дому без калош, а потом клянeshь судьбу.

— Да, вот без калош, это, конечно, нехорошо, — откликнулся Чехов. — А так вот, вообще, знаете, я, например, люблю такую погоду: одеть пальто, исправные калоши, старенькую шапку... и иди себе, не спеша, без цели... Хорошо! Дождь моросит, на безлюдных улицах тихо, спокойно... Ничто и никто не отвлекает, не мешает думать... Хорошо думается под дождем... Хорошо!

Так и пошло с тех пор: «Какая сегодня погода? — Да чеховская!»

День-два спустя, в передней раздалась знакомая, оживленная речь Варвары Константиновны:

— А я с Антоном Павловичем. Захотел притти к вам. Сейчас поднимается, не запирайте дверей — он с кем-то внизу встретился.

Он и в самом деле появлялся уже на пороге. Так просто и мило мог поступать только человек простого и милого сердца. Он им и был везде, всегда, во всем. Изумительный это был дар, дар простоты!

Оказалось, что «женская гимназия», как шутя называл Чехов в письмах Харкеевич, нарасказала ему, как мы чуть-чуть не разыграли раз в городском театре, в пользу недостаточных ее гимназисток, «Иванова», со мною в заглавной роли (спектакль был отменен едва не в его канун), о других моих сценических в том театре выступлениях и об общем моем тяготении к сцене.

Антон Павлович сразу же всеми силами захотел помочь мне поступить в «Художественный театр», предложил ряд рекомендаций и т. д. Конечно, я был растроган до глубины души.

Не помню, в связи с чем, в одном из следующих наших свиданий он вдруг совершенно неожиданно серьезно сказал: «А то вот еще хорошо пьесы писать. Попробуйте. Это очень увлекает и, право, не так уж трудно, как думают».

Скромный в оценке своих сил, он, видимо, искренно не исключал возможности их в той же мере, в других.

В середине января я выехал в Москву, снабженный письмами Антона Павловича, призывавшими «оказать содействие» осуществлению «актерских» моих планов.

Актером я не стал. «Простудили». Сцена от этого, должно быть, ничего не потеряла. А вот я, не нашедший в себе чеховской простоты, чтобы открыто и просто поделиться с Антоном Павловичем некоторыми, нежданно охватившими меня на первых же шагах ощущениями, я потерял очень много, не сумев сберечь так счастливо сложившихся было отношений с ним и, как улитка, спрятавшись в свою «простуду».

Больше мы не видались.

И как больно и стыдно мне стало, когда много лет спустя, уже после смерти Антона Павловича, я прочел в собрании его писем, как тепло, радушно и заботливо

писал он обо мне своим родным, кое-кому из театрального мирка и даже из его Олимпа!

На некротком жизненном пути случалось встречать хороших и даровитых людей.

Но гармоничное сочетание ума, таланта и сердца привелось видеть раз — в Антоне Павловиче Чехове.

Это было, всегда взволнованно вспоминаемое мною, чарующее воплощение духовного изящества, совершенный «союз истины и добра».

А. Н. ЛЕСКОВ. «ИЗ ЗАПИСЕЙ И ПАМЯТИ»

Воспоминания историка литературы Андрея Николаевича Лескова (р. в 1877 г.), сына писателя Н. С. Лескова, печатаются по тексту, подготовленному для настоящего издания. Отрывки из этих воспоминаний были напечатаны в «Литературной газете», 1939 г. 15 июля.

¹ Фаресов Анатолий Иванович, журналист, близкий знакомый Н. С. Лескова в последние годы его жизни.